

КРОКОДИЛ

№ 3 ● январь ● 1982

ISSN 0130-2671

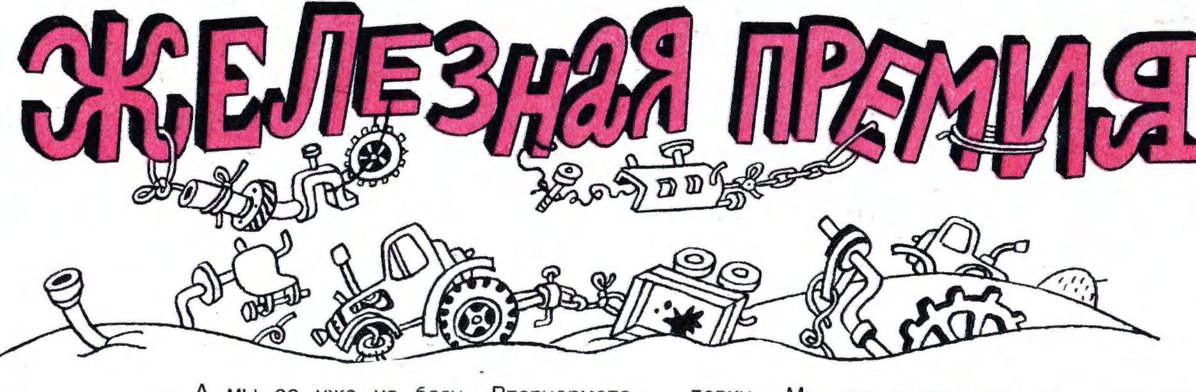
— Думаешь, легко мне эта дубленка досталась? Пришлось кое-кому горло перегрызть!

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

В. КАНАЕВ, специальный сталевар Крокодила

ЖЕЛЕЗНАЯ ПРЕМИЯ

Еще в розовом детстве я мечтал стать металлургом. Стоять у огнедышащего мартена в брезентовой робе с защитной маской на лице казалось мне верхом мужества. И вот мечта сбылась: мне доверили провести самостоятельную плавку в Крокодильском Мартене. Но задание усложнялось тем, что металлолом для плавки я должен был собрать тоже сам.

«Где я возьму столько брошенных кем-то железных кроватей, холодильников и корыт? — гадал я.— Этот хлам давным-давно прибрали к рукам шустрые школьники».

Я было отчаялся, но тут меня командировали в Ленинградскую область. И вот у зерносклада совхоза «Федоровское» Тосненского района я увидел нечто огромное, похожее на травоядное животное, мирно уплетавшее лопухи.

— Что это? — спросил проходившего мимо крестьянина.

— Бывшая зерносушилка,— определил он.

— Мне точно нужно знать, новая или бывшая,— не унимался я.— Я металлолом ищу для плавки.

— Глянь-ка, барабан ржа проела,— сказал крестьянин.— Так что бери и плавь на здоровье. Впрочем, спроси у главного инженера, может, план по лому не выполнен...

Я подался к главному инженеру совхоза В. А. Богданову. Так, мол, и так, нельзя ли взять старую зерносушилку?

— А мы ее уже на базу «Вторчермета» свезли,— развел руками главный инженер.

— Вы, наверное, другую свезли,— с надеждой сказал я.— А эта, ржавая, у зерносклада лежит...

— Неужели мои хлопцы подвели? — нахмурился В. А. Богданов.— А ну, пойдемте.

Мы зашагали к зерноскладу, и, подойдя к зданию, мой спутник торжественно вопросил:

— Ну, где она, зерносушилка? Ведь нету!

— Она с другой стороны, у входа,— уточнил я.

— Ах, эта! Ее можете забирать. Эту зерносушилку выбросили еще до меня...

Итак, в моем активе появилось тонны две прекрасного металлолома. Но для целой плавки этого было маловато...

Во время следующей командировки мне опять повезло. В Гагаринском районе Смоленской области, на берегу Вазузского водохранилища, я обнаружил брошенный строителями четыре года тому назад отличный ковш и часть стрелы экскаватора.

А на поле совхоза «Пречистое» того же Гагаринского района увидел столько металлолома, что его хватило бы на загрузку двух мартеновских печей.

Это было кладбище старой и разбитой техники. Тут покоились зерноуборочные и картофелеуборочные комбайны, плужные лемехи и кабины отживших свой век тракторов...

«А вдруг сейчас нагрянут люди с автогенными аппаратами, разрежут металлические громады на части и увезут их во «Вторчермет?» — с тревогой подумал я.

И тут же позвонил районному уполномоченному «Вторчермета» К. Н. Юдаеву.

— Вам металлический лом не нужен?

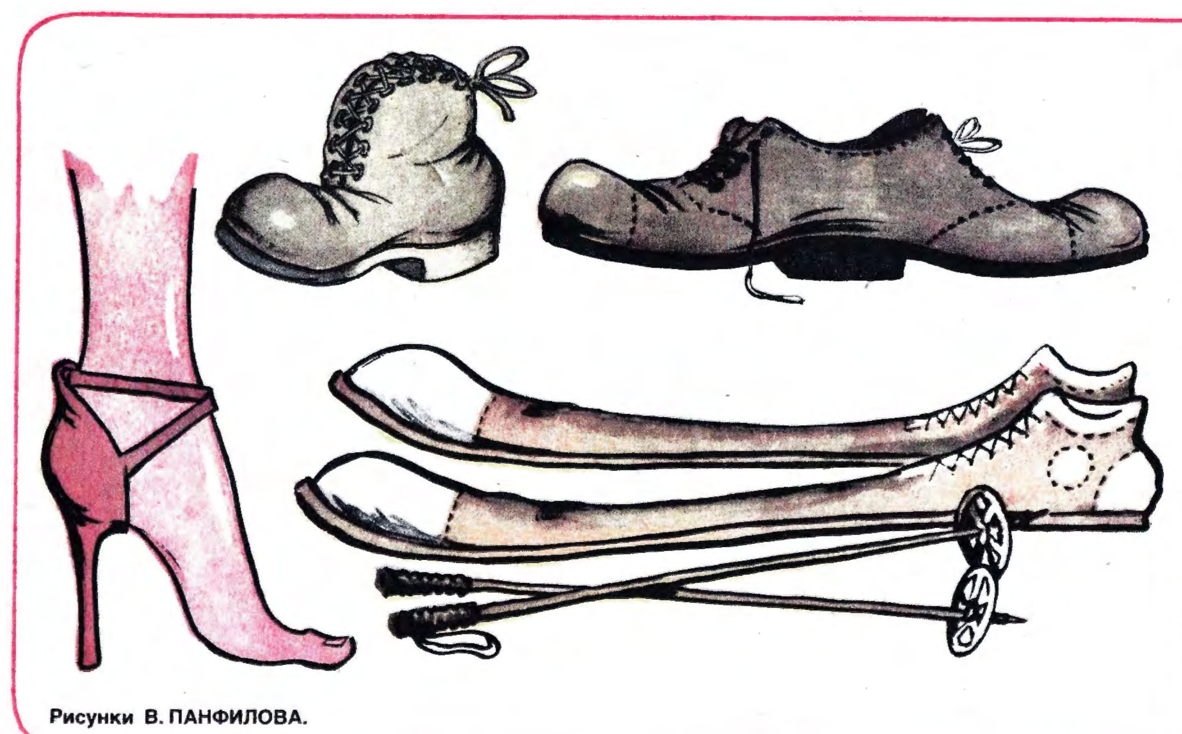
— Что вы! — рассмеялся Константин Никитович.— Мы уже выполнили план заготовки лома на сто два процента.

За означенное усердие были премированы председатель райисполкома В. Ф. Ермоленко и сам уполномоченный К. Н. Юдаев. И теперь им не требовалось больше ни одной металлической гайки...

Ну что ж, коли для получения премии достаточно было перевыполнить план всего на два процента, значит, моя плавка состоится!

Ленинградская и Смоленская области.

Рисунки В. ПАНФИЛОВА.

Неумеха-сапожник, стачавший такую вот диковинно нелепую обувку, в ответ на упреки может разъяснить:

— А что? Вот эти штиблеты подойдут лыжнику, а вон те — боксеру. Для модницы любого размера сгодятся универсальные босоножки — никому не жмут! Ну, а эти спаренные ботинки, похожие на чарличаплинские, хороши для любителя марафонской спортивной ходьбы: один ботинок в дороге стоптал, сунул ногу в другой — и хромай себе дальше. Еще спасибо мне скажут!

И в самом деле, если выставить этих уродцев на прилавок, может быть, найдется коллекционер всяческих казусов да и купит их. А может, и не найдется такого... Но вот то, что зачастую пылится на прилавках обувь, сработанная отнюдь не для модниц и спортсменов, а для рядовых граждан,— это уж точно.

ПОЧЕМУ?

Тех, кого интересует этот вопрос, приглашаем на стр. 4—5.

ФЕЛИКС КРИВИН
СЕСТРА ТАЛАНТА
СТИХИ О КРАТКОСТИ, ОБРАЩЕННЫЕ К НЕЙ ЖЕ
О, краткость мудрая, прости
Соображенье дилетанта!
Я знаю, ты у нас в чести:
Ведь ты у нас — сестра таланта.
И мне известно, что стократ
Выигрывает тот, кто краток...
Но все же, краткость:
где твой брат?
Куда ты подевала брата?
ПРАВИЛО БЛОХИ
Пускай ты черен — это не беда,
Пусть мелок ты — и это
не беда еще.
Выше себя не прыгнешь, это да,
Но как не прыгнуть выше
окружающих?
ПРОГУЛКА СО СВИФТОМ
Не так-то просто,
проходя по городу,
Увидеть человека в полный рост:
Где гулливеры опускают голову,
Там лилипуты задирают нос.
СОН НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ
Нас природа обратно
к себе позвала,
Чтобы мы ее вновь полюбили,
Чтобы мы в ней ходили
в чем мать родила...
Но в чем мать родила — мы забыли.
ПРАВДЫ ПОДОБИЕ
И в красоте своей, и в простоте,
В своей любви (и ненависти тоже)
Ложь отличается от правды тем,
Что слишком явно на нее похожа.
ЭПИГРАММА
Поэт включил в свой сборник
юбилейный
Стихи «Из Байрона», «Из Петефи»,
«Из Гейне».
А как украсили бы книжку эту
Стихи из Пушкина, из Тютчева,
из Фета!

Станислав ПЕСТОВ, специальный корреспондент Крокодила

Несмотря на свое приближающееся юбилейное шестидесятилетие, Крокодил бодро поднимался по лестнице в личные апартаменты на двенадцатом этаже.

— Пусть немощные ездят на лифтах,— говорил он одному из своих спецкоров, едва поспевавшему за ним,— а шестьдесят лет — это пустяк. Это возраст зрелой молодости!

Однако между седьмым и восьмым этажами произошла оказия — с треском лопнула и отвалилась подошва ботинка.

— Вот своевременный сигнал,— сказал Крокодил,— обратить внимание на обувь. Не раз и не два я выступал по обувным проблемам, и, видно, настало время вновь обозреть вопрос...

— Тем более что скоро юбилей, может, плясать придется! — подхватил спецкор, сообразив, что пара сияющих лаком штиблет была бы вполне подходящим подарком юбиляру.

И он обратился к Универсальному Компьютеру с просьбой назвать наугад четыре региона, где производят обувь. Спустя несколько секунд на экране обозначились: северный город Киров, южный — Ереван, Башкирия — на востоке. Четвертой точкой была Москва.

Но как раз в тот момент, когда спецкор уже захлопывал свой походный саквояж, раздался телефонный звонок. На проводе был его знакомый Следователь. Он-то и рассказал жутковатую детективную историю, которую нашему спецкору осталось лишь добросовестно записать.

1. СЛЕД ВЗЯТ!

Трое подозреваемых угрюмо переступали с ноги на ногу. Одного из них била нервная дрожь, он упорно прятал глаза.

«Кто же из этих троих — злодей,— терялся в догадках Следователь,— средь бела дня похитивший с витрины магазина пару туфель? И ведь какое изощренное преступление — не тронул башмаки заграничного производства, а взял почему-то наши... Что за этим кроется?..»

Замешательство еще больше усилилось, как только все витринные образцы были поставлены на стол Следователя. Глянув на отечественную обувь, он вздрогнул и побледнел. Не раз ему приходилось выбивать из бандитской руки пистолет или финку, вскакивать на подножку встречной машины и прыгать без парашюта. Был даже случай, когда случилось отведать консервов «Завтрак туриста». И до сих пор выдержка и самообладание не изменяли ему. Но вот теперь он с содроганием глядел на отечественную обувку.

Тот, который мелко сучил руками, казалось бы, выпадал из круга подозреваемых. Но при обыске у него нашли странные документы, среди которых был и такой. «10 июня в уфимском обувном магазине № 5,— говорилось там,— из 665 пар сапог и полуботинок, изготовленных стерлитамакскими обувщиками, 465 пар были забракованы напрочь...»

Необузданная интуиция Следователя подсказывала, что тут есть наводка на след. Впрочем, осмотр башмаков улик не прибавил. Осыпавшаяся краска со скверно обработанной кожи не позволяла определить даже изготовителя. Хотя Знак качества в общем-то просматривался.

Дрогнули и эксперты.

— Нет,— сказали они,— нынче такая близнецовость моделей, что по внешнему виду нельзя достоверно назвать изготовителя. А у преступника скорей всего дефект зрения: только слепой мог похитить эту мерзость, стоявшую в окружении импортной обуви. Такой случай был в практике...

— Не думаю,— покачал головой Следователь, который на самом деле думал, и думал интересно, по-современному.— Тут напрашивается другое. Необычность кражи и патологическая страсть к браку,— он потряс странными документами,— говорят об изворотливом и коварном характере преступника. Чтобы понять мотивы кражи, я должен встать на его место. Пусть мне назовут предприятия, выпускающие скверную обувь, я поеду туда исследовать вопрос на месте!

2. ПРИВИДЕНИЯ В ОБЪЕДИНЕНИЯХ

— Как приедешь, сынок, в незнакомый город,— напутствовал молодого Следователя седой генерал,— первым делом влезь на каланчу. Оглянись окрест себя и выбери самое захудалое в городе здание. Это и будет обувная фабрика.

Он был тысячу раз прав, этот суровой закалки генерал. Казалось, какое-то роковое проклятие лежит на всех сапожных помещениях.

На головном предприятии Башкирского обувного объединения можно без бутафорской подготовки снимать фильм из жизни привидений, точнее, о коммунальных неудобствах их жизни. Даже иные столичные мануфактуры вызывают легкий озноб казематными мотивами своей архитектуры.

Дряхлое здание Кировского кожевенно-обувного предприятия, куда в конце концов прибыл Следователь, было выстроено фабрикантом Вахрушевым чуть позднее наполеоновского нашествия, но чуть раньше отмены крепостного права. И не только внешний вид, но и, пожалуй, интерьер комбината местами давал полное подтверждение этому. Ветхость сантехнического оборудования наводила на мысль, что куплено оно совсем не на последней международной ярмарке. Парилок и душевых вовсе не было, поскольку душегуб Вахрушев не предусмотрел их в своем проекте.

А в цехе разделки кож стошнило бы, пожалуй, даже далекого предка гренландца, взлелеянного на тухлой рыбе. И хотя есть там некоторый минимум машин, но стирания грани между физическим трудом и очень тяжелым физическим трудом здесь полностью еще не случилось. Это так только говорится — легкая промышленность, она весьма и весьма еще тяжела.

— Наша служба и опасна и трудна,— как всегда, зорко подметил Следователь,— но и тут не сахар... И как они в этих условиях ухитряются делать такую мировую продукцию?

Он стоял в ассортиментном кабинете комбината и тихо млел от радости, разглядывая эталонные женские сапоги из эластичной хромовой кожи на изящной полиуретановой подошве, которая сама по себе гарантирует уже половину покупательского успеха. Окончательно его добили роскошные мужские сапоги мехом наружу.

— Вот такие бы зимой в засаду надеть,— размечтался было вслух Следователь, но радость его быстро съежилась, как только он вошел в пошивочные цеха...

3. ПОКОЙНИКИ НА КОНВЕЙЕРЕ

На потоке шла обувь, широко известная многим рыбакам-удильщикам по частой попадаемости на крючок. Мрачного цвета полуботинки, туфли с траурной каемкой микропорки на подошве, сапоги-чулки из модного лет десять тому назад фловер-лака создавали надежный резерв не реализуемой в торговле обуви. В иных районах страны резерв этот не сокращался месяцами.

— Может, так и надо? — спросил вслух Следователь.— Может, стиль «ретро» не выйдет из моды в будущем и это все станет острейшим дефицитом, как стал в свое время популярным давно забытый русский сапожок?

— Нет,— ответил ему главный инженер комбината Ю. И. Логунов.— Так не надо. Но у нас есть валовой план — в миллионах пар обуви. Это страшная гильотина — миллионы пар. И вы учтите, что мы, современные обувщики, в основном сборщики: собираем обувь из сырья, которое дают смежники.

И выяснилось тут, что смежники чаще всего не дают. Надули вятских сапожников калининские химики — поставили всего лишь треть требуемых полиуретановых подошв. А ульяновские кожевники шлют «леопардовые» кожи — пятнами осыпается краска. Текстильщики и фурнитурщики также не жалуют.

И, краснея от стыда, руководство дает команду: пошивать покойницкие тапочки, страшные в своей простоте и предназначении. Эти тапочки помогут выполнить вал — план по миллионам пар. Или начинают лепить к подошве из мрачной микропорки натуральную кожу, ставшую острейшим дефицитом во всем мире. А микропорка технологически настолько трудоемка, что уже нет времени на шлифовочно-отделочные операции.

И людей нет на эти операции. Люди в основном уходят с обувного производства. Скудные средства, отпущенные вятским обувщикам на строительство жилья, опять урезали, своих домов отдыха и пионерских лагерей тоже нет. А рядом — могучие индустриальные соседи, у которых в цехах внедряется НОТ и гавайский микроклимат, а на собственной полоске черноморского пляжа — виндсерфинг. Поэтому неудивительно, что сверхтекучесть благородного газа гелия тускнеет по сравнению со сверхтекучестью обувных кадров...

4. БРАК ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

— Но не может быть,— как всегда, безукоризненно логично резюмировал Следователь, уже много дней подряд шедший по следу преступника в разных городах и весях,— не может быть, чтобы обувщики были только жертвами бессовестных поставщиков и разного рода обстоятельств. Многое, наверное, зависит и от них самих.

И вспомнилось ему ереванское объединение «Масис», работающее, как и все, в условиях снабженческого произвола и убогого качества сырья. Но любая женщина, надевшая туфли или сапожки ереванского производства, может быть уверена, что ей обязательно оглянутся вослед. Даже особо изящную и модную обувь ереванцы впервые в стране поставили на поток. И за три года на эту обувь не было ни единой рекламации. Да и вообще процент брака в среднем там в пять раз ниже, чем по отрасли.

Немногим, кажется, «Масис» отличается от других объединений — собственный Дом моделей, сквозной бригадный метод производства, самостоятельный отдел управления качеством. Но в сочетании с умением молниеносно перестраиваться это позволяет выпускать изумительную обувь. А начинало объединение свою деятельность с положения, которое даже оптимист не рискнул бы назвать плачевным. Нынешние же цехи головного предприятия «Масис» по чистоте и уюту напоминают санаторные корпуса. Даже фонтанчик колодезной, а не обыкновенной, из-под крана воды в цеху говорит о постоянном и заботливом внимании к сапожных дел труженикам.

И во дворе, у проходной, рабочих встречает скульптурный ансамбль, посвященный не традиционной девушке с веслом, а древнему искусству сапожника. Единственный, пожалуй, памятник Сапожнику если не в мире, то, во всяком случае, в стране.

Большую заботу о тружениках Следователь видел и на другом оазисном предприятии — московской фабрике «Парижская коммуна». В лучших цехах этой фабрики, где царствуют автоматические линии, где электроника управляет почти всеми процессами, пора было, по его мнению, вводить специальные физические упражнения для предотвращения гиподинамии.

Фабрика имеет свои фирменные магазины, через которые чутко прослушивает пульс покупательского спроса. И не случайно одна итальянка буржуазного сословия, примеряя сапоги «Парижской коммуны», вздохнула: «Вот есть у меня дома достаточно сапожек, а все равно куплю еще эти! Что значит фирма!»

И снова готов был засветиться тихой радостью Следователь и в пояс поклониться машиностроителям за такие чудесные линии на московской фабрике, но выяснилось тут, что те линии закуплены в Италии, а родные машиностроители дают обувщикам такой жалкий мизер, что и ругать-то, собственно, их не за что.

Даже коробки для упаковки сходящих с линии сапожек привезены из Италии. Отечественные бумажники жалуют обувщиков, да и то скудно, только коробками из картона марки «Г», которые мнутся и разваливаются при первой же погрузке, отчего обувь приобретает кондицию, именуемую «всмятку».

В Италии это считалось бы неслыханным браком, браком по-итальянски, потому упаковку там делают из мелованного картона с особыми пупырчатыми прокладками для несминаемости обуви.

5. ТОНКАЯ МЕСТЬ

«И вообще у них модель появляется на прилавке через два месяца после ее задумки,— размышлял Следователь, возвращаясь в свой кабинет после длительной командировки.— А у нас на это уходит два-три года. Не потому ли такая унылость внешнего вида и постоянная запоздалость моды?»

— Товарищ лейтенант,— радостно встретил его помощник в дверях,— есть новые данные! На квартире нервного гражданина найдена жуткая коллекция бракованной обуви — элитный, так сказать, брак. Правда, все — женская обувь... Я приказал доставить подозреваемого на допрос.

Доля секунды потребовалась Следователю, чтобы собрать в кулак волю, интуицию и интеллект. Лицо его внезапно просветлело.

— Вы женаты? — спросил он ничего не подозревающего преступника.— И теща, наверное, есть? Я, кажется, понял, почему вы украли...

— Да! — внезапно вскричал преступник, перехватывая инициативу.— Я украл эту обувь, чтобы подарить ее теще! В порядке личной мести. Пусть окружающие подтвердят, что я сам сознался. Это смягчит мою участь. О! Это была тонкая месть — отказаться ей неудобно, а носить невыносимо. К тому же и — позору-то! — краденая. Дайте закурить, гражданин начальник...

Когда преступника увели в казенное помещение, Следователь устало потер виски.

— Вот все же не могу я взять в толк,— задумчиво молвил он, глядя на свои туфли,— погоня за валом, нехватка сырья и оборудования, происки торговли, текучесть или картон с неудобопроизносимой маркой — что же все-таки есть главная причина убогости моих башмаков? Разобраться в этом, пожалуй, под силу только компьютеру, умеющему делать миллион операций в секунду.

* * *

Такова была одиссея Следователя, предвосхитившего экскурсию спецкора по маршруту Москва — Ереван — Киров — Уфа. И теперь осталось только включить наш знаменитый КУК.

«КУК» ВКЛЮЧЕН

— Не вычленить здесь главного,— отстучал КУК на машинке выходного устройства.— Если нет современнейшего оборудования, то архитрудно перестроиться на новую модель. Значит, унылая обувь, возвраты, ущерб в заработке. И тогда — текучесть и невыполнение вала. А если нехватка сырья и валовые показатели висят гильотиной, то начинает идти халтура.

И, покопавшись в ячейках своей памяти, КУК извлек строки из прошлого:

«ДВЕСТИ МУЖЕЙ С ГОРДЫМИ УЛЫБКАМИ ПРИШЛИ ДОМОЙ И ПРОТЯНУЛИ ЖЕНАМ ДВЕСТИ КОРОБОК.

ДВЕСТИ ЖЕН, ЕДВА ВЗГЛЯНУВ НА КОРОБКИ, ВОСКЛИКНУЛИ:

— МИЛЫЙ! ДОСТАЛ! НЕ ФРАНЦУЗСКИЕ, НЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ, НЕ ШВЕДСКИЕ, А НАШИ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ! О СЧАСТЬЕ!!!

ДВЕСТИ ПОЦЕЛУЕВ ГРЯНУЛИ, КАК ДВЕСТИ МАЛЕНЬКИХ ДОМАШНИХ САЛЮТОВ».

Это — воспоминания о будущем. Так писал еще в 1971 году Крокодил с надеждой на скорое исцеление обувных недугов. Видно, время поцелуев еще не настало...

— А может ли КУК заглянуть в будущее? — обратился обслуживающий оператор к умной машине.

И, покраснев от смущения всеми сигнальными лампочками, КУК отстучал строки из будущего:

«ХИМИКИ, ТЕКСТИЛЬЩИКИ, БУМАЖНИКИ, МАШИНОСТРОИТЕЛИ, СОБРАВШИСЬ ВМЕСТЕ С ОБУВЩИКАМИ И ОБСУДИВ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ С ПРОИЗВОДСТВОМ ОБУВИ, ПОСТАНОВИЛИ:

1) ИСКОРЕНИТЬ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ НА ОБУВНУЮ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК НА ПАДЧЕРИЦУ И ПОПРОШАЙКУ.

2) СМЕЖНИКОВ, НЕ ПОСТАВЛЯЮЩИХ СЫРЬЕ И ОБОРУДОВАНИЕ ОБУВЩИКАМ ВОВРЕМЯ, ОБЯЗАТЬ ХОДИТЬ КРУГЛЫЙ ГОД БОСИКОМ, А СМЕЖНИКОВ-РЕЦИДИВИСТОВ — В ОБУВКЕ ИЗ «ЭЛИТНОЙ» КОЛЛЕКЦИИ.

3) НЕ ДАВАТЬ ПОКОЯ ОБУВЩИКАМ, ПРЕДЛАГАЯ ИМ НОВИНКИ СЫРЬЯ, ФУРНИТУРЫ И ДРУГИХ КОМПЛЕКТУЮЩИХ.

4) ЗАСТАВИТЬ ОБУВЩИКОВ РАСХОДОВАТЬ СЫРЬЕ ТОЛЬКО НА КАЧЕСТВЕННУЮ МОДНУЮ, РАБОЧУЮ, ТУРИСТИЧЕСКУЮ, ДОМАШНЮЮ, ТЕПЛУЮ И ДЕТСКУЮ ОБУВЬ. А ТАКЖЕ СОКРАТИТЬ СРОК СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ С ДВУХ ЛЕТ ДО ДВУХ МЕСЯЦЕВ.

ПЛАНОВЫЕ ОРГАНЫ ЗАВЕРИЛИ, ЧТО РАЗУМНО СКООРДИНИРУЮТ СЫРЬЕ С КОЛИЧЕСТВОМ ВЫСОКОКАЧЕСТВЕННОЙ ОБУВИ».

— Это обязательно будет,— подтвердил КУК,— вот только точный срок трудно назвать...

«КУК» ВКЛЮЧЕН

Из-за отсутствия транспорта для вывозки леса в некоторых леспромхозах предпочитают сжигать древесину на делянках и лесных биржах.

— С дальней делянки сигналят: план по вывозке древесины выполнен.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА.

По тому же поводу

Редколлегия «Крокодила» рассмотрела поступившие в редакцию письма и другие сообщения по поводу корреспонденции Е. Кариной, С. Спасского «Ненужная бабушка», опубликованной в № 24 журнала за 1981 год. Повторной проверкой фактов, изложенных в корреспонденции, установлено, что основные из них не соответствуют действительности, многие оценки событий и выводы сделаны необъективно.

Редакция приносит свои извинения тт. Доценко В. Х., Тимофеевой В. П., необоснованно упоминаемым в корреспонденции.

Редколлегией журнала приняты меры по повышению ответственности работников редакции за точность и достоверность публикуемых материалов. На виновных в допущенных в названной публикации ошибках наложены административные и партийное взыскания.

Ив. ИВАНЮК,
специальный корреспондент Крокодила

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

Живопись — штука тонкая. Казалось бы, все есть: тема, сюжет, кисточки колонковые. Имеются краски: охра светлая; сажа газовая, умбра жженая. Если угодно, присутствует даже такая неосязаемая штука, как вдохновение. Взять бы и изобразить золотистые волны спелой нивы, кипучую жизнь колхозного тока, создать незабываемый образ хлебороба! Ан нет. Оказывается, надо еще вовремя остановить мгновенье...

* * *

Если бы художник вздумал изобразить работу людей на току колхоза имени Фрунзе в интересующий нас момент, то у него ничего бы не вышло. А если бы и вышло, то нечто вроде картины «Черный квадрат». И это при всем его отвращении к абстрактному искусству!

Просто в интересующий нас момент ночь, словно чернильное облако, окутала и ток и близлежащее село Теleженка.

Надо сказать, что и сторожу тока А. Д. Калтыгину и его соседке З. С. Андросовой тоже не нравилась эта темень. Она была какой-то проглядной. В тусклых мерцаниях звездочек чудились лучи мощных прожекторов. Хотелось такой тьмы кромешной, чтобы стать неотделимыми от ночи.

Объяснялось такое странное желание прозаически просто: Калтыгин помогал Андросовой воровать зерно с охраняемого им объекта. А какой вор любит открывать свои деяния для всеобщего обозрения? Тут даже от звезд начнешь шарахаться...

— Сидишь на току один, как тетерев,— щебетала соседу Андросова, утрясая зерно в мешке.— И кто твою работу ценит?.. А уж я в долгу не останусь!

Сговорились они на том, что за пятьсот килограммов ржи и гороха охранник получит бутылку водки и пять рублей денег. Калтыгин заявил, что возраст ему не помеха и внес в соглашение дополнительный пункт «с доставкой на дом». Зерно насыпали, и сторож с кряканьем подсел под первый мешок...

Правда, с доставкой произошла неувязка. Все утащить не удалось. Не потому, что в сообщниках встрепенулась совесть или кто-нибудь застал расхитителей народного добра на месте преступления. А подвела злополучная водка, которой решила взбодрить сторожа соседка. Когда они вернулись на ток и в очередной раз наполнили мешки, то сил поднять их уже недостало...

Сторож Калтыгин ощутил неожиданную тяжесть во всем теле, и сон сморил его до первых петухов. Но раньше первых петухов подоспели работники милиции, контролировавшие ход уборки зерна в Липецком районе. Конечно, сторож — не иголка, но непросто им оказалось найти спящего А. Д. Калтыгина. И только мешки, наполненные зерном, говорили о его присутствии...

* * *

Если бы художник попытался вдохновенно изобразить работу комбайнера А. В. Куликова и шофера В. А. Рассказова в совхозе имени Мичурина Лебедянского района, то у него тоже ничего бы не получилось. Слишком уж расторопно они покинули свои рабочие места и схоронились в ближайшем саду. Увы, не для того, чтобы смахнуть с лица жгучий пот и полюбоваться на созревающие яблоки. Их прельстил совсем иной запретный плод.

Они прихватили с собой 570 килограммов зерна, украденного среди бела дня. Впопыхах сообщники укрыли мешки под яблоней, закидав их ветками, чтобы с приходом ночи перевезти зерно домой. Впрочем, может быть, и Куликов и Рассказов не стали бы так торопиться, если б знали наперед свою судьбу. При желании теперь художник может их найти по месту отбывания трудовой повинности, где они спокойно смогут ему позировать три и два года соответственно.

Удивительно то, что действия комбайнера и шофера на поле никто не заметил, даже начальник уборочно-транспортного звена. А злоумышленники были задержаны только работниками милиции...

* * *

Если бы художник решил нарисовать портрет начальника уборочно-транспортного звена в совхозе «Анненский» Усманского района главного инженера А. Е. Парфенова или его комбайнеров, то опять же остался бы ни с чем. Нет, на сей раз герои несостоявшейся картины не исчезли. Просто хлеборобы пребывали в столь основательном подпитии, что позировать были не в состоянии. Живописец задергался бы и измучился, пытаясь совместить в портрете все ракурсы непоседливых натурщиков.

Впрочем, А. Е. Парфенов к началу распития опоздал. Не застал он комбайнера А. Я. Демидова в момент, когда тот продавал ворованный овес леснику Ю. В. Попову за три литра самогона и двадцать пять рублей. Застал только дружный коллектив, возлежащий на траве за стаканом первача. И тотчас забыл свои обязанности по организации бесперебойной работы звена, по контролю бункеров комбайнов и кузовов машин.

Как увидел он свое звено, которое почти в полном составе угощалось самогонкой, так сразу растерялся и спросил:

— Вы меня уважаете?..

В милиции главному инженеру приходилось только разводить руками: откуда, мол, знать, что ребята пропивают ворованное зерно?

* * *

А как обстоит дело с охраной урожая в других областях страны?

По этому поводу тов. Н. А. Арестов, заместитель начальника ГУБХСС МВД СССР, сказал так:

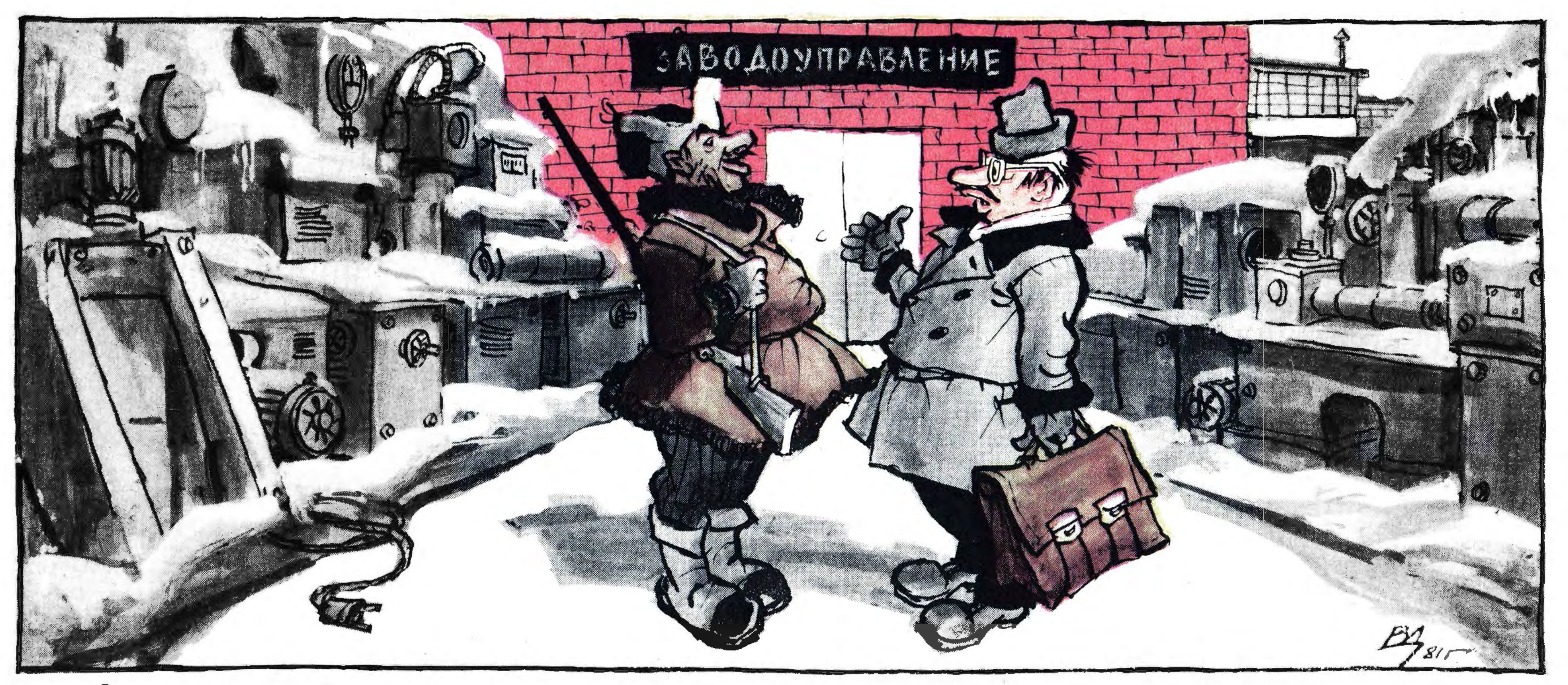
— Нам действительно приходится нести круглосуточную вахту в борьбе за урожай. В нынешнем году в одной Липецкой области за мелкие хищения задержано более двухсот человек, а всего работники милиции этой области вернули государству свыше сорока тонн зерна и другой сельскохозяйственной продукции. А ведь, кроме этого, нам еще нужно в период уборки и предотвращать пожары и следить за безопасностью движения. Такие мероприятия мы проводим по всей стране.

Остается подвести некоторые итоги. Добросовестно следуя заветам классика, мы трижды пытались остановить мгновенье в надежде, что оно окажется прекрасным. Но, увы, каждый раз становились свидетелями совсем иных, отвратительных фактов. И хотелось бы, чтоб любой лиходей, который спит и видит, как бы поживиться народным добром, сделал для себя назидательный вывод из вышесказанного. И чтобы не было в ходе уборки урожая нынешнего года подобных мгновений, которые нужно фиксировать не в людской памяти, а в милицейских протоколах.

Липецкая область — Москва.

— Вот ты мне объясни, Федор, почему своя скотина привесу больше колхозной дает, а питается тем же?

Рисунок Е. ГУРОВА.

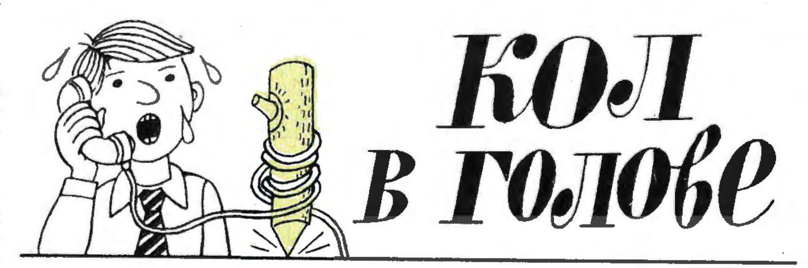

— Станки не растащат?
— Что вы! Они примерзли.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Владислав ПОБЕДОНОСЦЕВ — Рассказ

Кол в голове

Сколько мы уже заседаем?— спросил Дубов, наклонившись к соседу.

— Четвертый час оттикал... А что это у вас с головой?

С головой у Дубова и в самом деле было неважно. Будто кол в нее вбили. «Это от погремушечных цифр,— догадывался Дубов,— от понарошечных обязательств, хитрованских заверений, самонадувательской трибунной трескотни. Но сосед-то что имеет в виду?»

— А что у меня с головой?— осторожно прощупал почву Дубов.

— Кол вбили, да?— участливо спросил сосед.

Такая прозорливость не на шутку перепугала Дубова.

— С чего это вы взяли?!

— Так видно же.

Дубов ахнул и, пригибаясь, как во время киносеанса, стал пробираться к выходу. Но его уже заметили.

— У Дубова кол в голове!

— Не будем отвлекаться по пустякам, товарищи,— строго пресек словесный шорох генеральный директор объединения «Сизифтяжкамень».— Эка невидаль — кол в голове!..

Выскочив на улицу, Дубов в растерянности засучил ногами, соображая, куда бежать и что предпринять. И тут прямо перед Дубовым остановилась крошечная девочка с огромными белыми бантами в косичках и громко сказала, теребя мать за подол:

— Мамочка, посмотри, у дяди в голове палочка!— и счастливо засмеялась.

— Это, детка, не палочка,— поправил ребенка проходивший мимо гражданин.— Это кол. Самый настоящий кол. Может, даже из натуральной осины.

Последнее замечание доконало Дубова: он — Дубов, а кол — осиновый. Унизительно. И Дубов взял с места рысью. Все встречные-поперечные сбились с курса: останавливались, таращили на Дубова глаза, показывали на него пальцами, забыв о правилах приличия, охали, ухали, даже улюлюкали и устремлялись вслед; вырвав поводки из рук ошеломленных хозяев и обскакав Дубова на метр, его облаивали ближайшие друзья человека: слева — преотвратного вида китайский мопс, справа — благообразный мраморный дог; автомобили, легковые и грузовые, автобусы, троллейбусы, дружно развернувшись и кренясь набок под тяжестью прильнувших к окнам пассажиров, покатили за бегуном.

К этому времени Дубов уже не мог идти на рысях и засеменил тривиальной трусцой. И вдруг — о счастье!— он увидел телефон-автомат. Тормознув, Дубов нырнул в будку и набрал «03».

— Девушка,— сказал он приветливому девичьему голосу,— у меня кол в голове!

— Ясно,— ответил голос, как будто речь шла о каком-нибудь заурядном аппендиците.— Адрес?

— Улица Луговая, дом... А дома нет, я на улице... На мне серый ко...

— У вас же кол в голове? Значит, увидят, ждите.

Повесив трубку, Дубов хотел было выйти на волю, но оказалось, что будка блокирована толпой. Оживленно жестикулируя, перебивая друг друга, мужчины и женщины, старики и подростки вдохновенно творили версии и гипотезы — каждый истолковывал феномен, заключенный в стеклянной клетке, на свой лад.

— Этот хмырь у тетки сумку вырвал,— кричал парень в вельветовой куртке,— а двое мужиков за ним! Одного-то он ножом пырнул, а второй ему колом по балде...

— Как не стыдно сочинять подобные бредни!— возмущенно возражал парню элегантный мужчина с зонтом-тростью в руке.— Ни на кого этот человек не нападал, он просто бежал от инфаркта, иными словами, трусцой, а в это время... Вы слышали выражение: «Идя по улице, кирпич свалился мне на голову»? Так вот — в данном случае свалился кол...

— Это все она, родимая, уж я знаю — седьмой десяток доживаю,— умудренно вставила старушка в аккуратном платочке.— Ты выпивай, да ведь и себя не забывай! Нет, как зачнут хлестать, так обязательно до чертей... А где черти, там и кочерги и колья...

Дубов участия в дискуссии не принимал: не верилось ему, что предмет обсуждения есть он сам. Но когда услышал про «родимую», то открыл было рот, чтобы пояснить: мол, по причине диабета не употребляю вовсе, но с той стороны ему наставительно сказали:

— А ты помолчи покудова. В другом месте расскажешь, кто ты и с какими целями к нам пожаловал. И про эту толстую антенну в макушке тоже расскажешь... Добровольно,— добавили со значением.

Неожиданно хаотичный гул толпы перекрыл властный возглас:

— Па-апрашу! Лишние в сторонку!

Словно плугом разваливая толпу надвое, к будке пробирался милиционер, а за ним двое в белых халатах. Открыв дверь и уложив Дубова на носилки, медбратья устремились к машине. Минута — и «Скорая» исчезла из виду.

Судя по всему, в больнице Дубова уже ждали. Едва его уложили на койку, как в приемное отделение решительным шагом вошел...

У Дубова упало сердце: он сразу догадался, что это хирург — по уверенности, по засученным до локтя рукавам и по атлетическому сложению.

— Так-с,— сказал хирург, осмотрев Дубова.— С заседания?

— Так точно,— прошептал Дубов, сообразив, что здесь надо быть по-солдатски кратким и точным.

— Сколько просидели?

— Четыре часа оттикало,— вспомнил Дубов ответ соседа.

— Цифирно-словесная вакханалия?

— Так точно.

— Могучий народец у вас подобрался, с крепкими головами,— одобрительно заметил хирург.— Обычные, незакаленные головы начинают барахлить на третьем часу — вспухают, деревенеют, костенеют, позже — трещат, разламываются, раскалываются... Однако не отчаивайтесь — не вы первый... И, боюсь, не последний...— задумчиво закончил хирург, видимо, принимая роковое для Дубова решение. Он встал, отвлекающе прошелся по палате и, как бы невзначай зайдя с тыла, ухватился за что-то, Дубову не видимое.

Голова пациента неестественно дернулась, послышался знакомый звук, будто из бутылки вырвали пробку, и что-то с грохотом полетело в угол.

В глазах у Дубова сладко поплыло...

— Доктор!..— тихо позвал он.— Не скрывайте — жить буду?

— Не скрою,— жестко ответил доктор.— Жить будете. И долго. Если, конечно, перестанете по полдня глушить друг друга бутафорскими словесами, втирая очки себе и людям. Короче, если займетесь делом. Так и сослуживцам передайте: они ведь, поди, тоже не прочь попасть в долгожители.

И вот тут обнаружилось, что хирург мог бы запросто подрабатывать на футурологии: в приемное отделение ворвались санитары с носилками, на коих недвижимо покоилось грузное тело; из принадлежащей телу головы торчал здоровенный кол — много больший, нежели дубовский.

— Доктор!— тихо позвал грузный страдалец.— Не скрывайте — жить буду?

Дубов немо ахнул, признав в страдальце директора «Сизифтяжкамня».

СОВМЕСТНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКЦИЯ

народного художника СССР Бориса ЕФИМОВА и поэта Николая ЭНТЕЛИСА

Все университеты в Чили ныне управляются назначенными правительством военными ректорами. За последние полтора года уволено свыше 300 преподавателей университетов.

КАЗАРМА-МАТЕР

Вероятно, ректор-офицер
Новый штат назначит.
Например:
Вместо неугодных лаборантов
Проведут приказом взвод
сержантов.
Не нужны крамольные
доценты —
Сменят их секретные агенты.
Для строптивой старой
профессуры
Нет полезней воинской
дрессуры.
Всех юристов, спутников
раздоров,
Вытеснит отряд карабинеров:
Незачем студентам слушать
право —
В руки карабин! Равняйсь
направо!
Изощряться нечего лингвистам,
Кафедра важней артиллеристам:
Благотворна хлестких слов
картечь —
Постигай казарменную речь!
Физики штудировали атом —
Заменяют атом автоматом...

Хунты окровавленные руки
Сделали казармой храм науки.

В Вашингтоне куклуксклановцы подожгли большой крест у дома дипломата из Камеруна И. Ндефру Нквенти, приняв его за американского негра.

ОБОЗНАЛИСЬ

Пожалуй, ку-клукс-клан не виноват,
Все обвиненья — злостные интриги.
Откуда знать, что это дипломат:
Он — белый?
Черный!
Черный —
Значит, «ниггер».
А «ниггер» — значит, дым и чад окрест:
Горящий крест увидеть должен каждый...

На равноправье чернокожих граждан
В Америке давно поставлен крест!

Нынешнее правительство Соединенных Штатов Америки состоит сплошь из миллионеров.

РУКИ НЕ ДОХОДЯТ

Шуршат мильоны
В пальцах потных,
Считает доллары
Властительная рать...
А что до миллионов
Безработных —
Их важным боссам
Некогда считать!

КОВБОЙСКИЙ ТАНЕЦ

Японская газета «Окинава таймузу» пишет, что пьяные американские вояки громят дома мирных жителей острова, ведут стрельбу, бесчинствуют.

Вовсю грохочет автоматный джаз:
Пускается орда ковбоев в пляс.

А жители испуганной толпой
Спасаются от музыки такой.

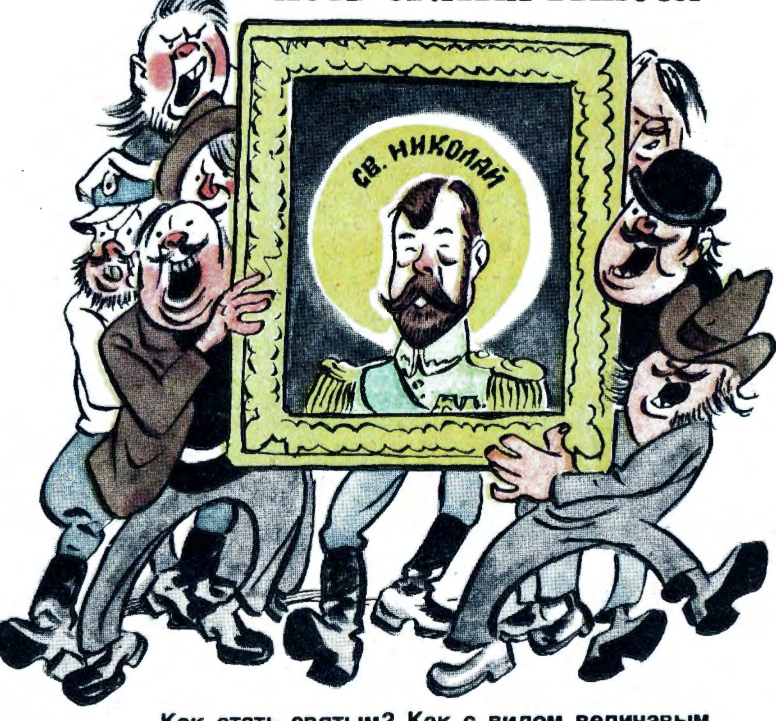
Но почему японские чинуши
Глаза закрыли и заткнули уши?

Да потому, что сами неуклонно
Танцуют под дуду из Пентагона.

Отпрыски русских монархистов, проживающие в Нью-Йорке, внесли свою лепту в антисоветизм правящих кругов США — они «причислили к лику святых»... царя Николая II.

РЕЦЕПТ НИМБА, ИЛИ ХОТЬ СВЯТЫХ ВЫНОСИ

Как стать святым? Как с видом величавым
Порхать, сияя нимбом золотым?
Сперва, должно быть, нужно стать «кровавым»,
Ну, а потом нетрудно стать «святым».

БОЛЬШЕ НИ НОГОЙ!

Безработный из английского города Хартлпула У. Эйвс прошел босиком около 500 километров до резиденции премьер-министра в Лондоне, желая вручить петицию протеста против роста безработицы, голода и нищеты.

Что же получил несчастный бритт
Вместо ожидаемой работы?
Разве что бронхит, радикулит,
Гайморит или другое что-то...

В чем же невезения секрет?
Не подвел ли странный туалет?
Или он нарушил этикет,
Появившись в Лондоне чуть свет
Без престижных лаковых штиблет,
Смокинга, сверкающих манжет?

Нет! Загвоздка тут не в этикете,
Проще разрешается вопрос:
Не нужны властям бедняги эти —
Равнодушен босс к том, кто бос.

ПЕТИЦИЯ ПРОТЕСТА

ПРОГАДАЮТ...

Пентагон принял на службу... 34 гадалки.

Бывалые гадалки
Знают много...
Решатся ли они
Сказать о том,
Что ядерная
Дальняя дорога
К провалу приведет
Казенный дом?

Андрей НИКОЛЬСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Как известно, полного счастья в жизни не бывает. Так и тут: счастье будет, но не для всех.

Вот, расскажу я вам, есть такой городок в Сумской области с милым названием Белополье. Говорят, что во время оно сеяли тут гречиху. И ехала как-то важная особа и восхитилась:

— Ах, какое белое поле!

Говорят, отсюда и название.

Ну, а сейчас здесь поезда, машины, асфальт, мест в гостинице нет — одним словом, цивилизация.

А десять лет назад в развитие той же цивилизации построили и автостанцию. Автоматические камеры хранения, кресла для пассажиров, а на втором этаже — гостиница из шести номеров. Лучше, чем городская. Кровати с полированными спинками, чистота, порядок.

В 1974 году был назначен начальником Иван Васильевич Потеряйко. Огляделся он туда-сюда, потом обращается к дежурным по этой гостинице с просьбой.

— Вот,— говорит,— у меня есть участок в пять соток возле больницы плюс больная жена. Не поможете ли вы мне посадить картошку?

С новым начальством ссориться не резон. Три женщины за день справились с посадкой. Однако работников полагается кормить. За этим дело не стало. Бутылочка, закусочка, все как полагается. А потом работницам за это уважение дается отгул. Так оно и пошло: посадка, прополка, окучивание, уборка. Колорадского жука ездили обезвреживать жидкостью из специальных баллонов. Дело стало привычным, и даже особых объяснений насчет больной жены уже не требовалось, а говорилось мило и по-домашнему:

— Девочки, завтра на картошку.

Надо сказать, что дежурные Самарина, Сметана, Опанасенко, а также Черненко, которая заменяла их в отсутствие, на это особо не роптали. Теоретически известно, что с начальством лучше жить в мире, чем во вражде, а это как раз и подтвердилось на практике. Они и передовики, и в районной газете упоминается о хорошей работе гостиницы, а коли нужен отгул или поменяться в случае чего сменами, то это вообще не вопрос. У Самариной, к примеру, заболел гриппом ребенок — она приносит больничный лист. Но какой может быть бюллетень, когда рабочие дни уже проставлены? Вот до чего, граждане, хорошо жить с начальством в ладу. И до чего плохо, когда этот лад кончается.

А он кончился в 1979 году. И, главное, из-за такой ерунды, из-за такой плевой причины, что вспоминать тошно.

А работали один раз наши женщины на картошке, и уважаемый начальник вынес им в хозяйственной сумке упоминавшееся уже угощение. А женщины поставили сумку у дороги, и кто-то ее спер. Надо бы не обратить внимания на этот в общем-то пустячный инцидент, предать его забвению, но товарищ Потеряйко ужасно огорчился. Как рассказывает старшая дежурная Валентина Николаевна Сметана, «отругал капитально и рассердився страшнэ».

Конечно, начальника тоже понять можно: четыре тарелки, четыре вилки, бутылка, закуска, сумка рублей за двадцать — это же разор!

Но, с другой стороны, в Сумской области с пяти соток при хорошем уходе накапывают полтонны картошки. Вдвоем с женой их не съешь, так что убытки не так и страшны.

Но пошел тут, граждане, принцип на принцип.

Женщины решили: если ты нас ругаешь — не пойдем больше на картошку.

А у начальника, конечно, есть возможность не только поощрить подчиненного, но также и уесть его в случае неповиновения. В частности, лишить тех привилегий, о которых было говорено ранее.

И женщины, которые, по сути дела, ни в чем себя не чувствовали виноватыми, стали жаловаться. Они написали в обком, потом в журнал «Перец», в «Крокодил». По просьбе «Крокодила» представители Министерства автомобильного транспорта Украинской ССР разбирали жалобу, и приказом по Сумскому областному объединению автостанций тов. Потеряйко было указано на злоупотребление служебным положением, его предупредили, что при повторении подобных случаев он будет отстранен от занимаемой должности. Кроме того, бюро Белопольского райкома партии вынесло ему выговор без занесения в учетную карточку.

Казалось, что эти взыскания положат конец разногласиям. Но жалобы продолжались, и тогда настал такой уж счастливый конец, что ни в сказке сказать, ни пером описать: гостиницу эту просто-напросто закрыли. Это и есть тот счастливый конец, который я обещал в самом начале.

Почему закрыли эту гостиницу, понять трудно. Первый секретарь райкома товарищ Гребенко сразу сказал:

— Если вы думаете, что гостиницу закрыли, чтобы уволить дежурных, то этого не может быть.

Стало быть, сразу отсечем эту версию как ошибочную.

Тогда, может быть, в Белополье мало приезжих, и гостиница не выполняла план?

Нет, план гостиница под руководством Потеряйко все время перевыполняла. Что же касается возможности переночевать в городской гостинице, то здесь картина обычная: люди спят на раскладушках в коридоре и в креслах. Все места заняты. Раньше город как раз и выручала гостиница при автостанции.

Дежурная городской гостиницы Татьяна Сидоренко сказала мне:

— Вы счастливчик, что приехали утром, а вечером и ваше удостоверение не помогло бы: некуда.

Дежурная Галина Кизенко на другой день сказала так:

— Сегодня все сломанные раскладушки пошли в ход. Только с командировками принимали, а без них — иди на все четыре стороны.

Здесь надо сказать, что гостиница при автостанции ведомственная и закрыло ее Сумское областное объединение автостанций. Но находится гостиница на территории Белополья, и райисполком, который был кровно заинтересован в том, чтобы эта дополнительная гостиница функционировала, тем не менее вынес решение о ее закрытии.

Почему? Поскольку две предыдущие версии оказались ошибочными, у меня осталась только одна. Правда, на первый взгляд она странная, может быть, даже дикая, но другой, увы, нет: гостиницу закрыли потому, что была украдена сумка. Действительно, не украли бы — все было бы хорошо. Вот ведь вор, этот поганец, из-за которого теперь командированные отдуваются своими боками! Чтоб он подавился той закуской!

Но, с другой стороны, недовольные уволены. Без нервотрепки, без проволочки, одним словом, без этого опостылевшего бюрократизма. Нет больше ни жалоб, ни комиссий, ни мнений, ни сомнений — благодать! Счастливый конец!

P. S. Кстати, что там предполагается вместо гостиницы? Говорят, туда переведут архив Сумского областного объединения автостанций. А впрочем, это неважно. Главное, чтобы помещение не пустовало.

г. Белополье.

Отдых с препятствиями

Нынче на первом плане у большинства отдыхающих — горный кряж или бурный поток, а не расслабляющее существование в каком-нибудь пансионате.

Впрочем, пансионаты мы обидели зря. Искатели отдыха с препятствиями много потеряли, если не побывали в том, что находится в киевском урочище Конча-Заспа. Для иллюстрации приведем одну историю.

Большая группа обладателей семейных путевок услышала от администрации пансионата «Жовтень» фразу:

— Свободных мест нет!

Впрочем, после перебранки прибывших разместили в зависимости от их увлечений и характеров. Тяготеющих к спорту определили в комнату для хранения спортинвентаря. Любителям простора отвели спортивный зал. А самых неуживчивых упрятали в медизолятор. В общем, все оказались на своих местах.

Отдых пошел было своим чередом, как вдруг некая супружеская чета, которую в ночное время уплотнили третьим лицом, взбунтовалась. Несговорчивые супруги вошли в состав комиссии народного контроля, экстренно созданной из числа отдыхающих. И обнаружилось в пансионате более полусотни человек, приехавших по курсовкам, но проживающих в самых роскошных условиях.

Когда наша редакция получила письмо от отдохнувших в пансионате «Жовтень», а затем ознакомила с некоторыми фактами Киевский территориальный совет по управлению курортами профсоюзов, стало известно, что «и. о. директора пансионата В. Вандзяк от занимаемой должности освобожден, врачу И. Беляеву и регистратору Н. Грачевой объявлены взыскания». И вдобавок «приняты меры к улучшению обслуживания отдыхающих».

Что ж, будем надеяться...

Перебор с наборами

Когда мы видим на натюрморте шоколад рядом с огурцом, то отдаем лишь должное фантазии художника. На прилавках же магазинов такие сочетания вызывают критику покупателей. И хотя принудительные наборы запрещены Министерством торговли СССР, судя по письмам в редакцию, «художники» торговли продолжают привязывать, скажем, подгулявшие яблоки к банке сгущенки...

Таким же образом в магазине № 33 в г. Апрелевке Московской области изо дня в день сотворяли различные натюрморты, смиряя покупательские капризы. И вдруг Л. Васильева не захотела смириться и направила жалобу в «Крокодил». В результате была проверена работа магазина, и, как сообщил нам заместитель начальника главного управления торговли Мособлисполкома И. Выклюк, директору магазина Н. Шитовой достался выговор в приказе.

Встречаются обидчивые люди и среди покупателей, так сказать, духовной пищи. Подобно Л. Ржавитиной из Омской области. В киоске «Союзпечати» № 2 райцентра Любино ей были предложены репродукции картин Шишкина стоимостью 65 копеек в сочетании с более дорогой книжкой, которая к тому же покупательницу не интересовала. Ради любви к искусству Л. Ржавитиной следовало бы принять эти ультимативные условия. Но она сделала киоскеру замечание, чем спровоцировала ее на грубость.

На запрос редакции об этом инциденте Омское областное агентство «Союзпечать» ответило, что за свою излишнюю предприимчивость и несдержанность киоскер Е. Зверева строго наказана.

Пристегнуть ремни... потуже

Наш читатель Г. Драгилев написал, что пассажирам рейсов Хабаровск — Иркутск (№ 5310) и Куйбышев — Новосибирск (№ 5309) пришлось в полете потуже затянуть не только бортовые ремни, но и ремни на брюках. Воздушные путешественники вопреки правилам оказались лишенными пищи, а в ближайшую столовую сбегать им было как-то не с руки. Персонал же указанных самолетов потчевал проголодавшихся пассажиров лишь грубостями.

В ответ на пересланное нами письмо заместитель начальника управления организации перевозок Министерства гражданской авиации В. Воробьев сообщил, что бортпроводники тт. Буряк, Мишина и Цыганкова строго предупреждены за бестактность, допущенную ими в обращении с пассажирами. Начальнику службы бортпроводников Куйбышевского авиапредприятия тов. Абрамову указано на слабый контроль за работой подчиненных.

Вместе с тем тов. Воробьев доводит до сведения редакции, что в отсутствии питания пассажиров виноваты работники химической промышленности, которые снабжают гражданскую авиацию посудой в недостаточном количестве. Это, конечно, весьма прискорбно. Но нет ли здесь намека на то, что пассажиры должны предъявлять свои претензии непосредственно работникам химической промышленности? Не следует ли это делать самому Министерству гражданской авиации?

Товарные отношения

Не далее как минувшей осенью мы прочитали письмо с изложением были в старорежимном стиле. Главным действующим лицом явился лесничий А. Морозов, который оказывал своим подчиненным — рабочим Щегловского лесничества Брянской области поистине барские милости. Накосить буренушкам сена любезно дозволялось всякому, кто исправно платил лесничему оброк. Невозможного не требовалось — надо было всего лишь обеспечить сеном заодно и его личное хозяйство.

Проявляя заботу о себе, А. Морозов даже механизировал труд своих подопечных. Один из колхозов Навлинского района, испытывая зависимость от лесничего, уступил ему безвозмездно и трактор и косилку. Попробуй не уступи — в нужный момент от лесничества и дровишек не получишь...

Неизвестно, сколь долго продолжались бы эти товарные отношения, если бы не было написано письмо в «Крокодил». На сигнал рабочих лесничества Брянский областной комитет народного контроля сообщил: решением Навлинского районного КНК А. Морозову объявлен строгий выговор с предупреждением, что при повторении подобных действий он будет отстранен от работы.

Справедливость требует упомянуть, что в момент проверки письма А. Морозов спохватился и полностью уплатил за эксплуатацию колхозной техники.

— Подписано — и катись с глаз долой!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Ф. КОРОВЬЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Слушай, Вселенная!

Электронная техника — это ух! Без нее современная личность даже в быту старается не сделать и шага, а уж производства — те становятся от и до электронными. И странно помыслить: батюшки, да как это раньше ухитрялись мы обходиться без компьютеров и т. п.?

И теперь вот в широчайшие сферы нашей жизни вторгается телетайп — пишущая машинка, через спутники связи во мгновение ока доносящая ваш текст адресату.

Теперь прощай, утомительная проволочная связь, накручивание до осатанения диска с цифрами «06», «07», «08» и вопли в пустую шелестящую трубку: «Девушка! Девушка! Да девушка же!»

Да, большая умница, эконом нашего служебного времени и уширитель возможностей — телетайп.

И очень плотное давление на себя стали испытывать вдруг начальники телеграфов в стране. То было все ничего, а теперь осторожно, как клюет рыба язь, стали притрагиваться к форменным пуговицам, обшлагам и лацканам начальников телеграфов различные лица.

— Иван Савватеич, — жужжали и вились лица, — ну, не погубите, ну, дайте нашей организации телетайпный канал! Это существенно облегчило бы нам перевыполнение планов плюс взятие уже завтра послезавтрашних рубежей!

— Да нету, нету у меня каналов! — кричат, отцепляя от своих лацканов хваткие пальцы, наши телеграфные Иваны Савватеичи. — Недостача ожесточенная! Опять же — зачем вам телетайп? Вы же городская баня! Вам что, через космос с Лондоном каждый день партнерствовать по поводу стерилизации шаек?

Но как катаньем, так и мытьем урывают для себя телетайпы организации сугубо микроскопические. И для громадных организаций в разрезе этого уже отпало то достоинство телетайпа, что мигом обеспечивал он информацию между любыми двумя точками на Земле. Нынче тут, как на телефоне, настала очередь, и не протолкаться вам во Вселенной к нужному министерству иль ведомству.

И звездная бездна, еще недавно служившая проводником только серьезнейших сообщений, заполнилась лексикой толкучек и скввериков.

«Тая! Вызываю Таисию! — разносится во Вселенной. — Тая, я купила комплект зарубежных панталон «Неделька», но налетел ветер, унес из лоджии панталоны с маркировкой «Среда». Вдруг в вашей республике образуется у кого комплект вразбивку — купи мне «Среду».

И в городе Хабаровске вдруг яростно начинает бить аппарат: «Девочки, я Стерлитамак, вызываю хабаровский Интурист». «Это не Интурист, — отвечает сурово Хабаровск. — Здесь телетайп другой организации». «Ну и что, что другой. Вы помогите, наберите по телефону в Хабаровске, мне Ирочка в Интуристе нужна. Вы скажите по телефону Ирочке, пусть выходит на наш телетайпный канал. Она крем просила, крем ей куплен уже, а я ей тоже деньги пошлю, у меня есть в Хабаровске нужды». «Гражданка Стерлитамак! — закричал в отчаянии Хабаровск. — Освободите космос от трепотни!» «А вы чего такую строгость наводите? — разобиделся Стерлитамак. — Можно подумать, такие уж вы там честняги, в Хабаровске, только о производстве и говорите, а для себя за казенный счет не отстучи и двух слов. Вы лучше скажите, в хабаровских магазинах есть хланел цветной или же однотонный?»

И где-нибудь в созвездии Кассиопеи, уткнув антенночку транзистора в направлении планеты Земля, судачат ныне тамошние существа:

— Ах, и многообразие же интересов обнаруживает эта Земля!

г. Хабаровск.

— Хочешь устроиться?
— Очень надо! Мне родители куда больше подбрасывают.

Рисунок Г. ИОРША.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

Игра в прятки

Это раньше меня от нее током било. Протянешь руку — и искра. А может, это вовсе и не любовь была, а так... статическое электричество? Вот тоже, помню, стянешь нейлон через голову, и вокруг тебя свечение, как возле «Летучего голландца». Когда все это разрядилось само собой?..

Ну, пил бы я по-черному, от получки до получки. Ну, застукал бы друга ее детства, разгуливающего в моем махровом халате. Так нет же! Все было, как у людей. На завтрак жарили гренки с тертым сыром. Песика собирались завести, пуделя или хина. Пленки Жванецкого слушали. И вот те на!..

А я-то, как порядочный, из командировки день в день. Там, в Астрахани, эта Люда все подначивала: оставайся, мол, на субботу-воскресенье. Главное, и баба умница, и все при ней. Моя группа крови, словом. Нет, поперся домой!..

И вот я стою, как... не знаю кто, посреди квартиры, и мне хочется шмякнуть об пол арбуз, оттягивающий руку. Арбуз не простой, с секретом. Он куплен у браконьеров на рыбном базаре и набит черной икрой. Гостинчик жене вез, идиот!..

Тут я четко понимаю: все, житья теперь не будет, засмеют! Надо завязывать окончательно! Я иду к газовой плите и открываю краники. Газом и не пахнет. Зато с прикрытой сковородки тянет жареным. Я запихиваю в рот холодную, хорошо начесноченную котлету и вспоминаю, что в доме началась установка электроплит. Газ, понятно, уже отключен. Отравление отпадает.

Выкинуться из лоджии? А толку? Второй этаж. В лучшем случае только ногу сломаешь. Что стоило при жеребьевке вытянуть десятый?..

Остается петля. Я прилаживаю веревку к крюку, пересчитываю дохлых мух в хрустальной розетке люстры и соображаю: не оставить ли прощальное письмо? Ух, можно хлопнуть дверью!.. Но нет, потом скажут: про письмо не забыл, а за квартиру два месяца не плачено!

Петля получается замечательная. Единственная вещь, которая подошла мне с первой примерки.

— Ну,— дожевывая котлету, обращаюсь я к человечеству, которое меня не слышит,— счастливо оставаться!..

И вдруг до меня доходит, что я внутренне не готов. Вот если бы вошла Галюнька! Завис бы на мгновение с расчетом, что она тут же веревочку перестрижет...

Тут я слышу, что кто-то упорно звонит в дверь. Что за невезуха, и повеситься спокойно не дадут!

В квартиру вваливается веселая компашка. Все наперебой меня поздравляют, и я постепенно понимаю, с чем. С третьей годовщиной свадьбы, оказывается!

— А где Галюнька?— вопят они уже застольными голосами и тычут мне какие-то гладиолусы.

Я набираю воздуха, чтобы выложить все, что я думаю про их распрекрасную Галюньку, но ничего не выкладываю.

— Бойцы!..— восклицает Августина.

Это юмор. Когда в сорок пять никакой личной жизни, одно спасение — юмор.

— Бойцы!— восклицает Августина.— У меня жуткое подозрение, что нас не ждали!

— Экспромт даже лучше!— подает голос Тая, розовая и пышная, как пирожное с кремом.

Они уже выгружают из сумок длиннобойные бутылки. Я покорно иду на кухню за своим арбузом.

Из лоджии тянет дымком отечественного «Марлборо». Там покуривает Игорь Александрович, одетенький и гладенький, как референт. Впрочем, он и есть референт какого-то туза. С ним Вадик Ступишин. Ему уже полтинник, и плешь сияет, но есть такие, кого до гроба зовут Вадиками. Он директор плавательного бассейна. Туда мы ходим в сауну, чтобы оттянуло после вчерашнего.

— Как тебе моя Надя?— спрашивает он у референта.

— Хороший человек!— отвечает тот.— Все имеется. И портрет лица и фигура тела. Видимо, большой ученый?

— Ладно тебе! Человек трудится манекенщицей. А подружек ты бы видел! Гренадерши! Покажу при случае.

— Стоп! Вот тут стоп!— возражает референт.— Для меня лучше моей Тайки нет!

— Я ж с тобой шутку шучу, начальник!— говорит Ступишин.— Всем известно, у тебя семья — скала! А я все в свободном поиске. Но, кажется, Надя — моя конечная остановка!..

Надя, соображаю я, это та дылда, похожая на немецкую куклу, какую я подарил Галюньке в нашу первую годовщину. Значит, ее Вадик привел. Ну, ну! Отчего-то мне тошно их слушать. Я иду в спальню и шебаршу там в поисках арбуза. За моей спиной беседуют Тая, референтская жена, и Мария, вечно вымотанная своими батманами и фуэте.

— А Леня ничего, что ты все время в разъездах?— щебечет Тая.

Леня — это художник-график. Их давние отношения с Марией определяются известной фразой: «Есть у меня человек».

— Сергухин у меня лапочка, все понимает!— Мария, как водится среди муз и граций, кличет своего графика по фамилии.— Что же: режим, диета, класс — и все зря? Чтобы дома оладушки жарить?

— Ну, ты могла выйти за кого-нибудь из своих балетных. Вон у вас там какие мальчики стройные и прыгучие.

— Спасибо, мне этих прыгучих на работе хватает. Ты не сердись, лапуля, что я так про оладушки.

— В высокоразвитых странах женщины вообще не работают!— заявляет на это Тая.— А дома, знаешь, тоже, как на конвейере: постирай, приготовь, уберись. А еще Аленка. На фигурное ее надо сводить? Английский с ней долбить надо?

Меня мутит от их замечательной личной устроенности. Я снова тащусь за арбузом на кухню. Тут торчит Леня Сергухин. Сейчас он дает ласковый подзатыльник последней бутылке и от нечего делать начинает вязнуть ко мне:

— А Галюнька-то где? Так всегда и бывает, если мужик с самого начала себя не поставил. Идеальный вариант у нас с Марией. Без штампов в паспортах, на полном доверии!

Меня бесит его довольный вид, и я, продолжая сыск арбуза, волокусь в прихожую. У зеркала вертится дылда с лицом немецкой куклы.

— Так вот вы какая, Надя!— говорит Августина, угрюмо ждущая своей очереди.

— Ой, что вы! Я сегодня не в форме!— Надя с удовольствием разглядывает свое отражение.— Устала. Липнут всякие на каждом шагу!

— Да, тяжко!— ледяным тоном говорит Августина.— Зато смотрите, как вы мигом уложили на лопатки моего мужа.

— Какого мужа?..— у куклы закатываются глаза.

— Вадика Ступишина. Не пугайтесь, я его мужем в шутку зову. Когда-то ему предложили работу в Москве, а прописки не было. Вот друзья и подыскали ему одну немолодую страхолюдину. А я все равно комнату сдавала.

Я ухожу. Я знаю эту историю. Я сам их познакомил пару лет назад.

Наконец все за столом. Расселись этакими голубиными парочками. Клювик о клювик почистить осталось.

— А где же Галюнька?— упорствует кто-то.

Это имя для меня, как красная тряпка для быка. Затуманенный яростью взгляд падает на арбуз, который стоит, оказывается, у меня под носом. Я хватаю его и ахаю об стол:

— Завязано с вашей Галюнькой! Навсегда!..

Рюмки уже подняты, и не выпить глупо. Все выпивают, потом машинально тянутся ложками к разверстому арбузу и начинают вдумчиво жрать икру.

— Как завязано?..— говорит вдруг опомнившаяся Тая.— Она бросила тебя?..

Так я и знал! Им обязательно нужна драма. Им хочется, чтобы я за женой с топором по улицам гонялся! А если всего лишь прощальная записка на подзеркальнике и сковородка холодных котлет?..

— Никто никого не бросал!— вру я, вставая с рюмкой.— Несостоятельность нашего семейного союза доказана научно. Он мог рухнуть в любой момент. Так зачем, спрашивается, тянуть резину? Слава богу, на дворе двадцатый век. Вы хотите жить по старинке, вслепую? А вот мы обратились к электронному разуму. И тихо-мирно разбежались. Выпьем за разум!

— Да что вы его слушаете?— гудит в тишине Ступишин.— Начальник нас разыгрывает!

Все молчат, и я чувствую, что электронная версия не очень-то проходит. Они хотят знать, как эта машина сумела раскассировать такую здоровую ячейку общества, как наша с Галюнькой.

И я вдохновенно вру, что мной были учтены абсолютно все факторы, влияющие на крепость семьи. Их тысяча двести шестьдесят семь! Там есть банальные вопросы, вроде: «Могут ли у супругов быть секреты?» Есть и позаковыристей: «Нравится ли вам артист Боярский?»

Я замолкаю, увидев, что один за другим все тянутся к выходу. «Подождите! — хочу крикнуть я.— Ну, семья распалась! Это же не заразно!» Только я опять ничего не кричу. Клацает замок, и в квартире наступает неестественная тишина. Поздно уже обернуть в шутку всю ту чушь, которую я им напорол...

Я принимаю одну рюмку, другую. Закуриваю «Марлборо» — Игорь Александрович в спешке забыл. Нет, это же надо! Холостая квартира, гуляй — не хочу, а разбежались... Стареем...

Я подсаживаюсь к телефону и обнаруживаю, что в записной книжке-то негусто. Повычеркивал всех после загса, умник! Но все же кое-кто есть...

Конечно, подходит мужик. Братик, может? Начинаю аккуратно: «Добрый вечер! Нельзя ли попросить Зою?» Текст, который долдонит предполагаемый братик, не представляет интереса. А с моей стороны беседа выглядит так:

— А с кем я говорю, с братиком? Ах, с мужем... А это ее школьный товарищ. Почему не верится? Ну, допустим, моя фамилия Куздюмов. Что? Так вы с ней в обычной школе учились, а я в музыкальной. А вы дайте ей трубочку. Ах, вот как... И сколько же лет вашей дочурке? Месяц всего? Ну, простите. Желаю ей приятного аппетита!..

Лишь на пятый звонок клюет какая-то Раечка, значащаяся в моей записной книжке под именем Романа Павловича. Не помню — кто, что, по какому случаю, но хоть живая душа придет!

Звонок раздается через двадцать минут. Фантастика! Если она на такси разорилась, надо будет компенсировать как-то по-джентльменски. Икры, что ли, ей в майонезную баночку нагрузить?

Я распахиваю дверь и прямо-таки балдею...

— Салют, старичок!— говорит Игорь Александрович, глядя на меня глазами, ясными, как надраенные пуговицы.

«За своим «Марлборо» вернулся»,— догадываюсь я.

— Старичок,— бледно улыбается референт,— я вспомнил, что надо отвезти доклад шефу на дачу. Не желаешь составить компанию? Развеешься на свежем воздухе, старичок.

— Брось ты это: старичок, старичок. Говори, что надо?

— Понимаешь, старичок...— Он замечает свои сигареты, закуривает и пачку сует в карман.— Я хочу, чтобы ты на своей машине выдал мне прогноз.

«Издевается!» — сатанею я и сухо говорю, что, как он сам понимает, я давеча пошутил. Шутка была, шутка!

— Само собой, старичок!— подмигивает референт.— Так любому и скажу. Ну, а все-таки? Затраты возмещу.

«Уж не сбесился ли?— думаю я.— Ему-то зачем?»

— Конечно, старичок, у нас с Тайкой отличная семья. Но это семья. А для души? Имеется одна женщина, старичок... Ты не думай, у нас с ней пока ничего криминального. Мне в принципе интересно установить нашу совместимость...

В дверях раздается звонок. Раечка, как вовремя! Референт проявляет вдруг поразительную нервозность. Я сплавляю его в соседнюю комнату и иду открывать. Но за дверью далеко не Раечка. Там график Сергухин и его истомленная Жизель.

— Сергухин, говори!— требует Мария.— Ты в конце концов мужчина или нет?

— Может, вы это выясните дома?— говорю я.

— А у нас нет дома!— отвечает она с морозной усмешкой, и я вспоминаю, что в последнем акте Жизель, кажется, тоже свихнулась.— Есть моя однокомнатная квартира, стоящая на запоре, пока я мотаюсь в гастроли. Есть его мастерская, где я появляюсь на правах приходящей жены. А больше ничего нет!

— Почему же?— взвивается график.— Есть кожаный пиджак, который ты мне привезла из Аргентины! Есть сковородка из Осло, на которой можно жарить без масла. Есть еще аэропорт, где я торчу с гвоздиками, встречая ваш театр!..

А я-то тут при чем? Разве я заставляю их разыгрывать этакую ультрасовременную пару? Ну, хорошо, сделали когда-то балетной девочке операцию мениска. Ну, отвезли ее добрые друзья развеяться в мастерскую к одному начинающему гению. Ну, обнаружила утром балетная девочка, что проснулась в той же мастерской среди эскизов к «Винни-Пуху». Конечно, историйка не тургеневская. Но ведь они ничем не связаны, а почему-то столько лет держались друг за дружку!..

— А не пора ли вам кончать с этим бредом?— говорю я.

Пора, оказывается. Они и пришли за решением к моей машине: разбегаться им или... Мне становится неловко, будто они разделись догола. Поэтому я не возражаю, когда они, услышав звонок, опрометью кидаются на кухню.

— Игорь случайно не возвращался?— переступая порог, спрашивает пирожное с кремом по имени Тая.— Звонила шефу, там его нет. Может, завел женщину?

— Да ты что!— говорю я без особой убежденности.

— А что? Домохозяйки вроде меня когда-то надоедают. Вот Мария! Весь мир объездила. У такой можно спросить: что новенького? А у меня что? Что малосольные огурцы на углу давали да за два человека до меня кончились?

Полный привет! Неужели и эта к электронной машине клонит, думаю я. Да, она клонит туда. Она уверена, что мой рассказ произвел на Игоря впечатление. В общем, не могу ли я, если он ко мне обратится, сказать, что машина сломалась?..

Тут раздается очередной звонок, которому я уже не удивляюсь.

— Это Игорь!..— мертвеет Тая.— Куда бы мне, а?..

Действительно, куда? Разве что в ванную. Заодно и умоет зареванное лицо. Сделав это, я распахиваю входную дверь.

— Это я, начальник!— глупо улыбается мне Ступишин.

— Не тяни!— говорю я.— Ближе к делу!

— Как тебе моя Надя?— преет он.— Смотрится, не отрицаешь? Но к девушкам у нас одни требования, а к женам другие. Такому бобру, как я, не жар-птица нужна, а добрая бобриха.

— К чему ты мне басни про каких-то бобров плетешь?

— Кто же знал, что можно провериться по науке?..

Мне смешно видеть, как эта гора мышц начинает вдруг трястись от простого звонка, опять заливающегося в прихожей. Куда прятать? Хорошо, у меня санузел несовмещенный.

— Я сделала потрясающее открытие!— с ходу заявляет Августина, возникая на пороге.— Оказывается, я — женщина! Причем любящая! Но не любимая!

— Ну, и какой же тебе нужен прогноз?— в лоб говорю я.

— Представь, отрицательный! Чтоб никаких глупых надежд! Только об этом не должен знать он!

— Кто он?

— Ступишин. Мой фиктивный муж.

Тут, как назло, в помещении, где томится Вадик, не знаю уж, по какому поводу, с шумом спускается вода.

— Канализация!— поясняю я вздрогнувшей Августине.— Что ты хочешь, мы своей жизнью живем, она своей.

Это я, с позволения сказать, шучу. А сам жду очередного звонка. Вот и он! Я выпускаю Августину в лоджию...

Надя впархивает в облачке приторного парфюма. При такой головокружительной стати лукавство ей ни к чему. Она прямо интересуется, велика ли очередь к электронной машине.

— Знаете, манекенщица — это только девушка с хорошими внешними данными. А Вадик такой человек! У него такие знакомства!..

Это верно. У Ступишина в сауне не продохнуть от знаменитостей: хоккеисты, актеры, писатели, директора ресторанов...

— Вы разве не в бассейне познакомились?— зондирую я.

— Только между нами.— Она переходит на шепот.— Это не я была тогда в бассейне, а Тамарка. Мы обе сорок шестой размер и прически одинаковые. Она тогда согласилась встретиться с Вадиком, чтобы отвязаться. У нее есть человек. Фехтовальщик из сборной. А я пошла вместо нее. И Вадик не заметил. А если потом выяснится, что я ему не подхожу, представляете?

«Крепко!— думаю я.— Бедный Вадик! Доигрался!»

Но тут я понимаю, что если кто и доигрался, то это я. Зачем я позволил нашпиговать себя чужими тайнами? Нет, пожалуй, мы все доигрались. Взрослые люди, а играем в прятки. А что если однажды взять и выйти из тех уголков, где мы притаились и отсиживаемся, будто бы счастливые?

— Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать!— кричу я и, распахнув двери, выволакиваю приятелей из укрытий.— Ну? Как я вас всех застукал?..

Быстрее других очухивается, понятно, референт.

— Не знаю, кто как,— говорит он,— а я лично пришел сюда только смеха ради, шутки для!

Это хороший ход. Все на глазах становятся бодрее. Сейчас они запросто выставят меня жалким идиотом, не понимающим дружеских розыгрышей.

— Ах, какой поворот сюжета!— Я безжалостно расходую остатки иронии.— Значит, шутка?

— А ты что думал?— дергает плечиком Мария.

И они начинают смеяться. Плохо, фальшиво, деревянными голосами, точно массовка в телевизоре. Тогда я предлагаю еще раз прокрутить всю историю, чтобы посмеяться всем вместе. Но почему-то это невинное желание им не по душе. В их глазах мелькает тревога.

— Нельзя же шутку продолжать до бесконечности!— протестуют они.— Скучно и глупо!

— Братцы, да он же хорош!— вдруг восклицает Игорь Александрович.— Он же накушался, на ногах не стоит!

Этот ход еще лучше. С пьяным можно и резко обойтись для его же пользы. И вот уже банщик, референт и график подступают ко мне. Надя вспархивает на табуретку — ах, что за ножки!— и тянет с крюка забытую петлю, чтобы вязать.

— Только без рук!— дурашливо ору я, делаю неловкий рывок в сторону и... проваливаюсь в темноту. Кто-то случайно стукает меня по темечку. Или я сам ударяюсь об угол телевизора.

— Сам виноват!— говорит Сергухин, как сквозь вату.— Шуток не понимает!..

Сегодня они с Марией, пожалуй, не станут выяснять отношения. Да и другие тоже. Игорь Александрович забросит шефу доклад, а после вернется в свой ухоженный дом и наработанной лаской утвердит семейное счастье. Мне становится смешно.

— Смеется, значит, будет жить!— облегченно вздыхает Ступишин.

Они уходят. Теперь я могу полежать и подумать. Дурачье! Решили, что все утрясется. Чушь! Это в песнях счастье само стучится в дверь. Почтальоны стучатся, школьники за макулатурой. А счастье само не стучится, нет!..

На этом мысль моя обрывается, поскольку кто-то кличет меня по имени. Разлепив глаза, я вижу склоненное надо мной бледное лицо удивительно чужой женщины. От нее веет холодом.

— Брысь, костлявая, брысь!..— бормочу я.

— Понятно!— оскорбленно говорит Раечка, значащаяся в моей записной книжке под именем Романа Павловича.— Все вы одинаковые! Как выпьете, давай звонить подряд по всем телефонам. Так вот больше мне не звони, ясно?

Я встаю с паласа и ковыляю к разгромленному столу.

— Горячишься, Раиса. Что уж, прилечь в своем дому нельзя? Сейчас мы с тобой отдохнем, потрепемся, то да се...

Раечка моментально оттаивает и спрашивает легко:

— А ты вроде женат. Супруга в отъезде?

Тут уж играть в прятки нет никакого смысла. И я говорю:

— Был женат. Рассосалось.

Раечка не соболезнует, не принимает скорбного вида. Она просто поднимает рюмку и смотрит на меня сквозь вино. Я тоже смотрю в ее почти Галюнькины глаза, и все наперед мне известно до оскомины. Утренний кофе. Гренки с тертым сыром. Разговоры о песике, пуделе или хине. Россыпь шуток Жванецкого с магнитофонной пленки...

А потом — в сауну к Ступишину. Там, конечно, будут все наши. Интересно, что мы скажем друг другу? Неужели опять обойдемся все тем же:

— Извини, старик. Так получилось...

Обожаю я это «так получилось». Все объясняет...

Рисунок В. АШМАНОВА.

ШЕФ: — Ну что ж, рыба уже готова, а картошка еще сыровата!

Рисунок И. НОВИКОВА.

Рисунок С. СПАССКОГО.

«Прошу фамилию мою не расфиксировать».

(Из письма в редакцию газеты).
Прислал Ю. Смирнов, г. Витебск.

«Скачку выиграл фаворит гнедой Шергар, который рожден в заводе Ага Хана под седлом молодого 19-летнего жокея».

Журнал «Коневодство и конный спорт».

«В августе наше объединение работало с большим напряжением. В результате был провален план по объему выпуска валовой продукции и номенклатуре».

Многотиражная газета «За доблестный труд», объединение «Мелитопольхолодмаш», г. Мелитополь.

«Товарищи отдыхающие!

Кто хочет заниматься гимнастикой, а также сердечно-сосудистыми и костными заболеваниями, просьба пройти в солярий».

(Из объявления на пляже).
Прислал В. Ермолов, Ростовская область.

КРОКОДИЛИНКИ РЫБНЫЕ

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

— Видать, река-то сплавная...

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Хартмут БЕРЛИН (ГДР)

ЗАКОН ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

Закон и порядок я чту превыше всего. Недаром вот уже который год на нашем предприятии считаюсь лучшим общественным автоинспектором. И вот, представляете, на днях, возвращаясь домой на своем «трабанте», я по рассеянности свернул в улицу с односторонним движением, но не с той стороны. Развернуться было уже невозможно, и я проскочил этот отрезок в полном ужасе. К счастью, в поздний час дорога оказалась безлюдной и встречного транспорта не было.

Не помню, как я подъехал к своему дому. Несколько минут я молча сидел в машине, ожидая, что меня схватит дорожная полиция. Не может быть, чтобы такое грубое нарушение осталось ни для кого не замеченным. Но прошло пять, десять минут. Все было тихо. Вдруг мимо, явно превышая дозволенную скорость, промчалась машина. Всмотрелся. Нет, не полиция. И не за мной. Явно, что за рулем сидел автохулиган. Я по привычке хотел броситься за ним в погоню, но тут же подумал: какое же право я имею преследовать нарушителя, когда сам не уступаю ему в недисциплинированности? Мы, общественные автоинспектора, именно на таких примерах, как мой, наглядно учим молодых водителей уму-разуму. Нет, не имею я ни морального, ни общественного права пройти мимо собственного грубого правонарушения. Я должен провести вокруг собственного примера обстоятельную разъяснительную работу.

И не откладывая идею в долгий ящик, тут же, несмотря на поздний час, отправился в ближайшее отделение дорожной полиции.

Дежурный, седой, усталый человек, внимательно выслушал меня, а потом спросил, что мне нужно.

— Как что? Составить протокол с тем, чтобы я мог потом на его основании провести обстоятельный разговор с водителями.

— Свидетели есть? — поинтересовался инспектор.

— Конечно, есть! Я свидетель.

— Простите, вы нарушитель, а не свидетель. Впрочем, раз нет свидетелей, то вы и не нарушитель. Идите, гражданин, спать и не мешайте мне заниматься настоящей работой.

— Нет,— упирался я,— есть у меня одно важное доказательство. Если вы сейчас осмотрите мою машину у дома, то увидите, что она стоит носом в направлении, противоположном движению по односторонней улице.

— Ха-ха,— засмеялся инспектор.— А кто вам мог запретить развернуть машину в другую сторону?

Других аргументов у меня не было, и я поплелся домой. Наутро я отправился к своему шефу, который одновременно является руководителем группы общественных автоинспекторов на нашем предприятии. Мы с ним давно знакомы, и поэтому он сразу же поверил всему, что я рассказал.

— Все это правильно,— подумав, сказал он,— но не вовремя.

— То есть как не вовремя?

— А так, что только вчера мы подали наверх представление на трех человек, в том числе и на тебя, для награждения почетным знаком за отличное несение службы общественного автоинспектора. Сам понимаешь, что обсуждать и осуждать тебя после этого невозможно.

— Тогда вычеркните меня из списка. Еще не поздно. Пусть останутся двое.

— Двое!..— воскликнул шеф.— Да если мы оставим двоих, то и на будущий год нам дадут на награждение два места. Так что не противопоставляй себя коллективу. Не ставь личные интересы превыше всего...

Я понял, но все равно примириться с такой несправедливостью не мог.

Последующие дни я пытался забыться в работе, спорте, домашних делах. Но регулярно каждую ночь я просыпался в холодном поту. Мне снились бедные детишки, женщины и старики — жертвы дорожного движения. И все до одного перебинтованные люди указывали пальцем на меня...

Так жить я больше не мог. У меня был последний шанс. Старый школьный приятель, занимавший очень большой пост.

Он меня внимательно выслушал, улыбнулся и сказал:

— Конечно, нехорошо в наше время использовать в личных целях дружеские связи. Но так и быть, пойду тебе навстречу.

...Назавтра у проходной нашего предприятия висел большой плакат: «Вечером под председательством начальника районной дорожной полиции состоится общее собрание заводских автолюбителей. На повестке дня один вопрос: грубое нарушение правил дорожного движения товарищем Х. Берлином. Общественный обвинитель Х. Берлин».

Нет, как ни говорите, справедливость в конечном итоге все равно торжествует.

Перевел Им. ЛЕВИН.

●

Карл просто обожал свою машину, возился с ней все свободное время, забывая о доме и семье. Но однажды испортился двигатель, и машину пришлось оставить в авторемонтной мастерской.

Карл был в отчаянии от разлуки со своей любимицей, но жена утешила его:

— Не переживай так. В мастерской наверняка есть часы посещения...

●

Пастор пришел в магазин, торгующий подержанными автомобилями.

— Умоляю, возьмите у меня машину, которую я купил у вас позавчера!

— А что случилось?

— У меня просто не хватает слов, чтобы заставить ее двигаться!

●

— Судя по протоколу, миссис Браун, вы наехали на четверых пешеходов за последние три недели.

— Нет, на троих!

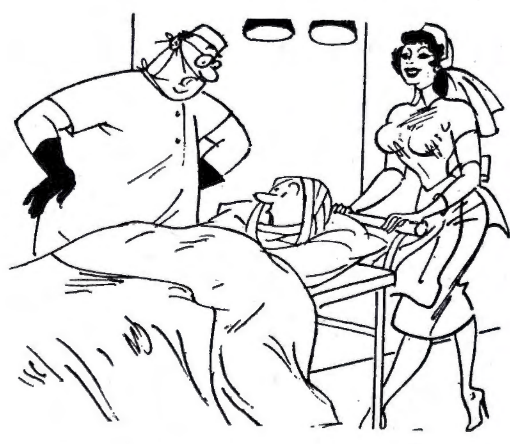
— Но у меня здесь указано, что на четверых.

— Дело в том, ваша честь, что одного идиота я переехала дважды.

●

— А сколько на эту книгу гарантийный срок?

«Рогач», Чехословакия.

— Успокойтесь, ваша рана на голове была довольно тяжелой, но нам удалось избежать ампутации.

«Пари гэ магазин», Франция.

— День нашей свадьбы? А сколько веков мы женаты?

«Вуменс оун», Англия.

Слова, слова...

Ничто так не примиряет с действительностью, как сама действительность.

Всеобщая банальность.

Чем больше запасаешься терпением, тем оно почему-то быстрее истощается.

Из патагонской книги «Терпение и нетерпение».

Будучи узким специалистом, получаешь привилегию не лезть не в свое дело.

Руди Миль, австрийский философ.

КРОКОДИЛ
№ 3 (2373)
январь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: В. Ашманов, М. Вайсборд, Р. Друкман, Бор. Ефимов, В. Мохов, И. Новиков, В. Панфилов, А. Помазков, В. Тильман, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов.

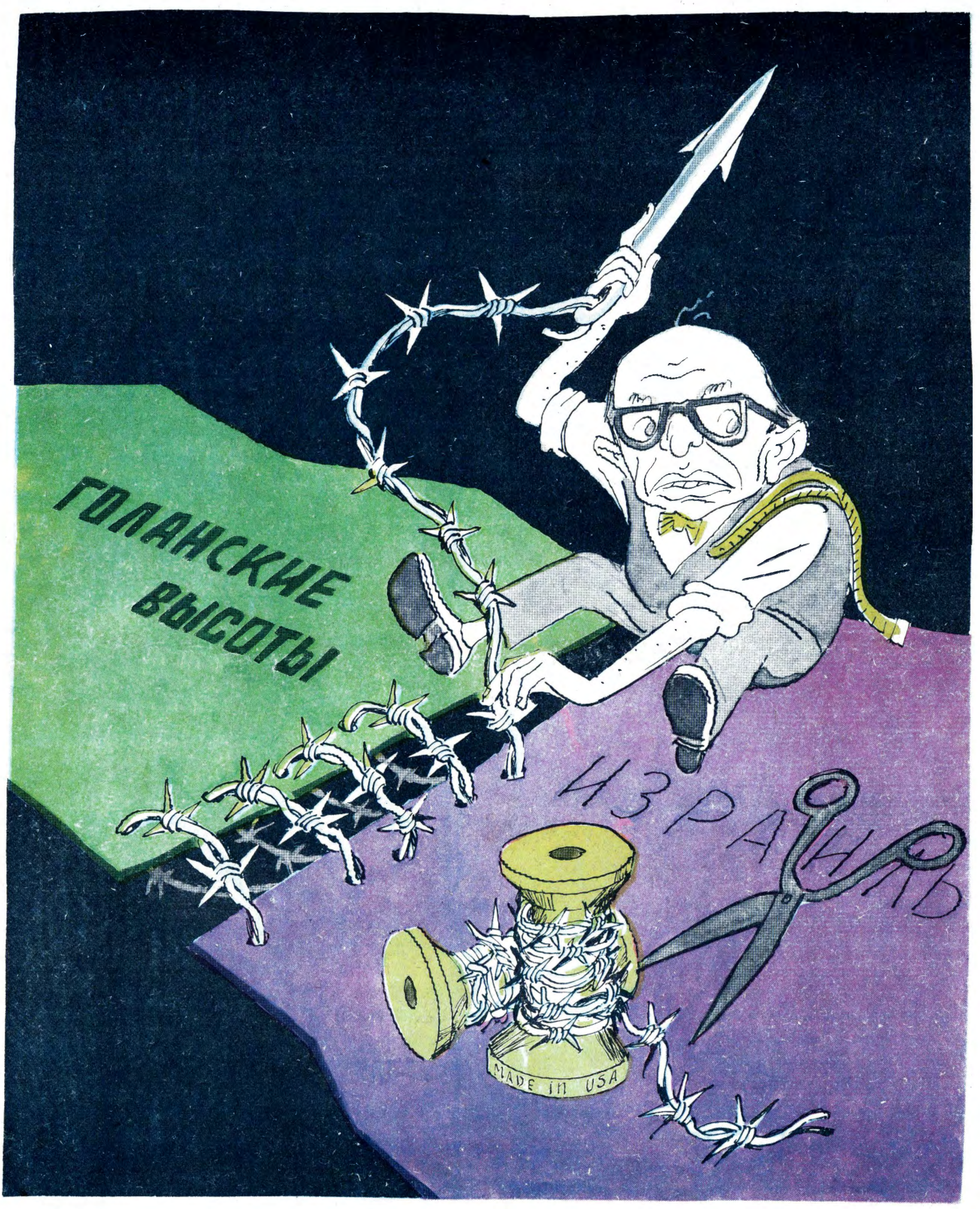
Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 22.12.81. Подписано к печати 30.12.81. А 13667. Формат бумаги $70 \times 108^1/_8$. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Усл. кр.-отт. 11,20. Тираж 5 800 000 экз. (2-й завод 3647591 — 4098164). Изд. № 46. Заказ 0275.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна». г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Индекс 70448. Цена номера 30 коп.

Правительство Бегина, аннексировав Голанские высоты, совершило новый акт агрессии против арабских соседей.

ПРИШИВАЕТ...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.